

ВИКТОР ЧОЧИЕВ

СЦЕНАРИИ, ПЬЕСЫ, СЦЕНАРИИ. В ТРЁХ КНИГАХ. КНИГА 1

1. «ПЁС ГОСПОДЕНЬ» (СЦЕНАРИЙ) —
ПО МОТИВАМ «НОВОГО ЗАВЕТА», ACTION..
- 2 И 3. «КРЭШ-ТЕСТ» (СЦЕНАРИЙ, ДВЕ СЕРИИ) —
МЕЛОДРАМА, ФАНТАСТИКА, ACTION.
4. «ПРОГЕР» (СЦЕНАРИЙ) — ТРАГЕДИЯ.
5. «АПОСТЕРИОРИУМ» (КАМЕРНАЯ ПЬЕСА) —
ДРАМА.
6. «АПОСТЕРИОРИУМ» (СЦЕНАРИЙ) — ДРАМА.

Виктор Чочиев

**Сценарии, пьесы, сценарии.
В трёх книгах. Книга 1**

«Издательские решения»

Чочиев В.

Сценарии, пьесы, сценарии. В трёх книгах. Книга 1 / В. Чочиев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967457-9

Несколько работ из этого трикнижия вызвали неоднократный
«продюсерский» интерес — безрезультатный. Три работы были напечатаны в
журналах. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-967457-9

© Чочиев В.
© Издательские решения

Содержание

Пёс Господень (сценарий в формате повести)	6
От автора	6
Начало	7
1. Детство	8
2. Пятнадцать лет	13
3. Тридцать лет	17
4. Начало	19
5. В синагоге	22
6. Иссахар	24
7. Погоня	25
8. Умножение хлебов	28
9. Ослица	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сценарии, пьесы, сценарии. В трёх книгах. Книга 1

Виктор Чочиев

© Виктор Чочиев, 2019

ISBN 978-5-4496-7457-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-7458-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пёс Господень (сценарий в формате повести)

От автора

История, изложенная в этой книге, относится к самому началу того благословенного времени, в котором мы, люди, пребываем и поныне. В Те Годы людям явился Он – сорвавший последние покровы с сокровенной истины и обнаживший её для нас. Он – любивший нас беспрельдно. Достойны ли мы Его любви...

События, о которых вы прочитаете в этой книге – вымышленные. Но они совсем не противоречат известному нам о Том Времени. Могли ли они произойти? Не знаю...

Давно ли это было? С Тех Пор, мы мало изменились – значит, это было совсем недавно, только что...

Начало

А в Начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. И сотворил Бог небо и землю. Земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

1. Детство

И было утро... ласковое осеннее утро, когда семь-восемь босоногих назаретских мальчишек (лет примерно десяти) удачно ускользнули от родителей, так что те не успели пристроить их к каким-нибудь привычным хозяйственным делам. Сойдясь, как обычно, на заросшем редкими кустами пустыре возле городских ворот, они переиграли во все известные им игры. Потом сбегали искупаться. Потом снова поиграли. И наконец, ужасно проголодались – даже те, кто успел на скорую руку что-нибудь перехватить дома.

А между тем, на смену утру заступал очень жаркий день, совершенно осени не подходящий. Впрочем, в детстве не бывает плохой погоды – ни слишком морозной, ни слишком жаркой. Конечно, крепких морозов в Галилее не бывает вообще. А вот жара...

Лёгкий ветерок, поднявшийся было с утра, вскоре совершенно разочаровался в своих силах и стих, а безжалостное солнце загнало в тень деревьев и душную прохладу домов почти всё население Назарета и его окрестностей – в такие часы полагается отдохнуть, даже тем, кто не работал...

Однако, мальчики не чувствовали ни жары, ни усталости – только зверский аппетит. В другое время они разбежались бы по домам, где их, накормив, чем Бог послал, обязательно определили бы на работу, а работать – ну, совсем не хотелось. Но ведь была середина осени – лучшее, особо радостное время года, когда в полях, садах и огородах уже созрел урожай, а в том году он был особенно обилен. Поэтому мальчики резонно рассудили, что домой возвращаться смысла нет, а пообедать, и очень неплохо, можно в первом попавшемся саду.

Споров о том, куда пойти, не было. Собственно, в этой компании споров почти и не случилось – слишком велик был авторитет вожака. Его имя – Варавва – мальчики произносили очень уважительно, хотя он не был ни самым старшим, ни самым сильным в их компании, а уж одет он был и вовсе хуже всех – сплошные лохмотья. Зато они знали, что он никого не боится – ни змеи, ни волка, ни даже взрослых. И тому уже было множество примеров. Кроме того, он был очень крепок и ловок, так что драк с ним избегали даже пятнадцатилетние, и мальчишки чувствовали себя под надёжной защитой. И наконец, в своей компании он был самым смекалистым и рассудительным мальчиком.

В этот раз Варавва сказал:

– Идём в сад Халева! Ради матери его Зебуды – нет старухи противнее!

Строго говоря, решение это было Варавве не совсем по душе – в сад к Халеву они уже наведывались позавчера, и, по справедливости, сегодня надо было бы залезть в сад другого хозяина (а Варавва очень любил, чтобы всё было справедливо). Но именно позавчера, старуха заметила его в саду... Конечно, поймать его она даже не пыталась. Но как же она его тогда крыла – самыми распоследними словами! И ладно бы только его, он бы стерпел, а то ведь (при ребятах!) и его мать тоже! У Вараввы похолодело сердце, когда он вспомнил эти слова... Вот почему он решил, что и сегодня нужно пойти в этот сад.

Будто почувствовав его мысли, мальчики тоже помянули старуху недобрыми словами:

– Да уж, вреднее неё не найти!

– И ругается так страшно...

– Злее нет языка.

– Она ведь всегда присматривает, ещё увидит нас – крику будет на весь Назарет!

Тут Варавва счёл своевременным подбодрить и успокоить компанию:

– В сад старуха выходит редко, всё больше во дворе её видно. Главное, чтобы она не увидела нас возле дома. Так что мы зайдём от оврага, да не все скопом, а по одному – всего и делов! Только надо потише.

...Это был небольшой смоковничный сад, огороженный невысоким забором из необработанных камней. Варава сразу же забрался на самое высокое дерево, остальные мальчики залезли на соседние деревья, неосознанно стараясь быть поближе к нему.

Первое время они лакомились спелыми смоквами молча. Но через минуту-другую всё-таки начали потихоньку переговариваться:

– А Исаак, дурачок, побоялся пойти с нами.

– Через неделю уже начнут опадать

– Вкусно-то как!

– А пошли потом на пруд!

– Вот бестолковые, учишь их, учишь... – подумалось Вараве, а вслух он негромко, но резко проворчал:

– Тише вы! Что раскричались – услышат. И хватит жрать – с собой собирайте!

Через минуту самый маленький мальчик всё-таки не смог сдержаться:

– Варава, а пойдём потом купаться?

Варава молча показал ему кулак – мальчик покраснел и отвернулся.

С высоты своего дерева Варава осмотрелся вокруг, и, не заметив никакой опасности, начал очень быстро собирать смоквы в небольшой холщовый мешок. Набив его полностью, он сорвал с ветки самую большую смокву, которую заметил уже давно, и быстро, с аппетитом стал её есть. Его пухлые губы порывались соком спелого плода. Варава вдруг почувствовал себя совершенно счастливым человеком, и, чтобы удержать это радостное ощущение подольше, даже закрыл глаза.

Вдруг – крик одного из мальчишек:

– Ай-йай!

Варава быстро оглянулся и увидел, как пацаны разбегаются кто куда, а к его дереву, грозно и молча, бегут двое мужиков с кольями. Позади них ковыляла костлявая старуха, также вооружённая палкой. Тишину разорвал её пронзительный крик:

– Хватайте его! Бейте его! Сын потаскухи! Его шайка нас по миру пустит! Бейте Вараву!

Варава прыгнул на землю и неожиданно для всех побежал прямо на одного из мужиков, резким «финтом» уклонился от его страшного удара и сам ударил мужика с разбегу головой «под дых». Мужик, охнув, согнулся и схватился за живот. Варава обегал его, но в это время кол второго мужика слегка «достал» его по голове. Варава пошатнулся и бросился в направлении старухи. Со словами «жадная ведьма» он оттолкнул её, так что та осела наземь, и, подбежав к забору, перепрыгнул через него и скрылся в овраге.

А старуха, сидя на земле, всё била и била о землю рукой, и в иступлении кричала:

– Хватайте его! Убейте его!

Неровной шаткой походкой Варава медленно шёл к своему дому. Одной рукой он держал небольшой мешочек со смоквами, другой прижимал к рваной ране на голове пучок травы с запекшейся на ней кровью. Мысли его путались, и каждый шаг отдавался резким горячим толчком где-то в самой середине головы.

Наконец, он подошёл к дому. Это была очень низкая хижина у подножья холма – почти землянка, без двери и окон.. Возле неё, играя, на земле возились две девочки пяти и семи лет, одетые в ветхие рваные платица. Заметив Вараву, девочки вскочили и кинулись ему навстречу с радостными криками:

– Ой! Братик пришёл!

– Варава!

Старшая девочка в тревогой спросила.

– А что это у тебя с головой?

Варава попытался ответить с самым беспечным видом:

- Да... так... Задел о ветку... в роще.
- Не почувствовав его слабости, девочки продолжили свои беззаботные расспросы:
- За восточными воротами, да?
- Да... там.
- А почему ты нас не разбудил? Мы бы пошли с тобой!
- Вас только мне и не хватало...
- Ты купался сегодня?
- Сегодня нет... Завтра пойду... Что я... купался я сегодня, купался...
- Ну почему мама не разрешает нам ходить на пруд!
- Правильно... вы же... девочки.

Через низкий дверной проём Варавва вошёл в дом – земляной пол, никакой мебели, жужжание невидимых в сумраке мух. В углу на охапке сена сидела очень худая женщина – его мать – с годовалым младенцем на руках, которого она кормила своей тощей грудью. Варавва протянул матери мешочек:

- Вот – возьми, тут смоквы.
- Да простит Господь моего сыночка!... Повесь его.

Варавва обернулся к двери и повесил мешочек на гвоздь, торчащий в растрескавшемся дверном косяке. Приглядевшись к сыну, мать положила ребёнка на сено, встала и усталым спокойным голосом сказала:

- Пойдём, твою рану надо промыть.

Мать обняла Варавву и вывела его наружу к большому глиняному бочонку с обломанными краями. Хорошо выскобленной тыквенной ложкой она зачерпнула воду из бочонка и в несколько приёмов промыла рану на голове согнувшегося в пояс Варавве. От прикосновения материнской руки, счищавшей присохшую грязь и кровь Варавва взвизгнул:

- Уй! Больно!

Не обращая на это внимания, мать заговорила о том, что уже давно терзало её душу:

- Когда-нибудь они убьют тебя... За несколько смокв или пригоршню бобов....

Горе мне...

- Что ты, мама, я ловкий... Никому меня не поймать... И вообще, я буду жить вечно!
- Не святотатствуй!... Как мне жаль, что ты не ходишь в синагогу.
- Как же я туда приду, мама?
- Как жаль.. Ты совсем не знаешь Закона... Как ты будешь жить...

Прополоскав в чистой воде какую-то тряпку, мать протянула её Варавве:

- Прижми к ране и полежи в доме.... Сара, Ребекка, не шумите, пусть Варавва поспит.

Она снова обняла Варавву и проводила его в дом. Варавва лёг поудобнее на сено рядом со своим братиком, и глаза его закрылись сами собой. Мать села прямо на пол, прислонившись спиной к стене. Минуту-другую они молчали. Варавва почувствовал, что засыпает, а его мать погрузилась в тягостные раздумья. И без того невесёлое, её лицо ещё больше помрачнело:

– Утром обошла весь город... Нигде не было работы... Хорошо, что ты принёс смоквы. И Мария дала немного молока и хлеба. Слава Богу, теперь есть, чем покормить младших. Поешь и ты, вот хлеб.

Откуда-то из складок платья мать достала кусок хлеба и вложила его в руку сыну. Не открывая глаз, он начал есть – навалившиеся на него слабость и сонливость чуть-чуть отступили. А мать продолжала:

– Господи, благослови семью Иосифа! И особо, жену его Марию! Если бы не они, нам бы не выжить...

– Да, они добрые люди... – тихонечко отозвался Варавва... – Только их дети играют с Сарой и Ребеккой... И никогда не дразнятся.

– Хоть бы ты подружился с Иисусом. Он такой замечательный мальчик! Твой одноклассник, а говорят, знает Закон не хуже раввинов.

– Как я с ним подружусь? Он почти никуда не ходит... кроме синагоги...

– Полежи тут, поспи. А я схожу ещё раз в город.

Мать встала и вышла из дома. Доев хлеб, Варавва вытянулся в струнку, зевнул и потянулся. Потом вдруг встал – от этого у него закружилась голова, и ему пришлось опереться на стену. Когда кружение в голове прекратилось, Варавва подошёл к двери и выбрал из своего мешочка самую лучшую смокву, откусил от неё кусочек и тщательно его разжевал. Потом он лёг на сено лицом к брату, который в этот момент энергично обсасывал свой крохотный кулачок, и пальцем стал засовывать ему в ротик разжёванную смокву. Тому это сначала не понравилось – он закрутил головой и тихонечко захныкал. Но уже через несколько секунд он улыбнулся и стал дожёвывать смокву своими беззубыми дёснами. Варавва улыбнулся улыбке брата, откинулся на спину и то ли мгновенно уснул, то ли потерял сознание.

Он проснулся через несколько часов. В доме никого не было. Вставать не хотелось. Он ещё немножко полежал, любясь пыльными лучами солнца, проникающие через щели в крыше, и прошептал:

– Как хорошо!

Но едва пошевелившись, Варавва поморщился от боли и осторожно притронулся рукой к ране на своей голове, прикрытой присохшей тряпкой. Слегка подёргав тряпку, он понял, что так просто её не оторвать, а оторвать почему-то очень хотелось. Тогда он встал, вышел из дома и остановился, опершись на стену. Его сёстры играли с маленьким братиком и не заметили его. Варавва окликнул их:

– А где мама?

– Ещё не вернулась.

– А-аа...

Варавва подошёл к бочонку с водой и, поливая присохшую к голове тряпку, помаленьку отодрал её, изредка «уйкая» от боли. Затем он вылил полную плошку себе на голову и расправил мокрые волосы ладонями. Потом он наполнил плошку ещё раз и напился. После чего сообщил девочкам:

– Я пойду в город.

– Останься, поиграем?

– Как я буду с вами играть... Я уже большой.

Понурился Варавва шёл по узенькой улочке мимо бедных домов и убогих лавчонок. Завидев его, их жильцы и хозяева не скупилась на язвительные реплики:

– Проходи, проходи!

– Сын побирušки идёт...

– Хорошо, что один, без своей шайки!

– Что будет с нами, когда они вырастут!

– Он недостоин называться иудеем!

– А проломил таки ему кто-то голову!

– Уж я бы ударил посильнее!

Подняв голову, в нескольких шагах от себя Варавва увидел шедшего ему навстречу знакомого мальчика – опрятно, но бедно одетого и тоже босого. Мальчик первым обратился к нему:

– Здравствуй, Варавва! Не слушай этих людей. Господь не благословит их слова!

– Я и не слушаю. Привет, Иисус!

– Ты не более грешен, чем они. Ты добрый. Многие мальчики из тех, кого я знаю, берут из чужих садов. Ты такой же, как все.

– Нет! Я сильнее и храбрее их! Я никого не боюсь.

– Это так. Но не гордись этим. И ты должен бояться Бога!

– Иисус, ты же знаешь, я не хожу в синагогу и не знаю Закона.

– Приходи к нам в дом хоть каждый день, и я буду учить тебя. Но понемногу – отец хочет, чтобы я больше помогал ему, ведь я старший сын. Это правильно.

– Твой отец – лучший плотник в Назарете!

– Есть другие, которые могут сделать лучше. Так говорит отец. Но он говорит, что Господь сподобил его умению работать очень быстро. Поэтому он берёт за работу дешевле, чем другие плотники и столяры. И от этого хорошо и людям, и ему. Но он стареет и ему нужен помощник. А мне уже 10 лет.... Что у тебя с головой – болит?

– А, ерунда!

– Можно мне потрогать?

– Только не ковырай!

– Наклони голову...

Иисус внимательно осмотрел рану, несколько раз легко прикоснувшись к ней пальцами. Потом на несколько секунд он прикрыл рану ладонькой и, опустив руку, после короткой паузы сказал:

– Ну, я пошёл.

– Я сегодня же приду к тебе – начнешь меня учить?

– Приходи, как стемнеет, когда отец закончит работать. Заодно, я попрошу маму дать тебе еды от ужина.

– Как же ты будешь читать в темноте?

– Что ты! У нас в доме нет книг, они – в синагоге. Но те, что там есть, я уже выучил наизусть.

– А я даже читать не умею.

– Не бойся. Чтобы быть угодным Господу, не обязательно уметь читать. Главное – понимать Закон сердцем. А сердце у тебя доброе и Я должен идти.

– Мир дому твоих родителей!

– Мир вашему дому!

2. Пятнадцать лет

Это был базарный день. Шумная рыночная площадь была запружена людьми. В толпе попадались и вооружённые стражники, медленно пробирающимися сквозь толпу парами. Иногда им приходилось кулаками расчищать себе дорогу – люди не слишком обижались на это. Зазывные крики торговцев и громкие голоса покупателей смешались в многоголосый хор:

- А вот масло, лучшее масло!
- Вино! Вино! В мехах и в розлив! Пробуйте! Самое лучшее!
- Ах, какие рабы! Какие рабы! Какие молодые и сильные! Каждый работает за двоих!
- Куры и гуси!
- Хитоны! Хитоны!
- Два динария!? Да таких цен и не бывает!!
- Свежий хлеб! Утренняя выпечка! Утренняя выпечка!
- Точу ножи! Точу ножи!
- Пошёл прочь, грязный побирушка!
- Лучшие ткани Востока! Жемчуга!
- Хватит пробовать, хватит с тебя! До субботы наелся!
- Свежая рыба! Ночью ещё плавала в море!
- А на обмен? Две меры пшеницы дам!
- Предсказываю будущее! Маг из Египта предсказывает будущее!
- Печёные голуби! Настоящее объедение! Кто пробовал, знает!
- А вот я сейчас позову стражников!
- Кувшины и чаши! Самые дешёвые кувшины!
- Лови мальчишку! Держи его!
- Сандалии! Крепкие! Самые дешёвые.!
- Холодная вода! Есть вода!

Между торговых рядов уверенной походкой, проталкиваясь сквозь толпу, шёл Варавва. Он выглядел уже почти взрослым. Одежда его была непритязательна, зато сандалии на его ногах были просто роскошны, а на поясе у него висел дорогой кинжал в ножнах очень тонкой работы.. Позади него, молча шли два его товарища – Хайм и Овид.

Внезапно Варавва «пристроился» вслед богато одетому человеку – товарищи тотчас прикрыли его своими спинами. Через несколько секунд Варавва остановился и, обернувшись, молча показал товарищам перевязанный ремешком и отделанный вышивкой и полудрагоценными камнями кожаный кошелек. Те одобрительно кивнули головами. Потом они развернулись и в том же порядке пошли вдоль другого торгового ряда.

У одного из лотков с жареными курами Варавва и его спутники остановились. Продавцу это явно не понравилось:

- Проходи мимо, Варавва!

Варавва, казалось, ничуть не обиделся на подобное обращение и добродушно спросил:

- С каких пор, Есром, ты стал прогонять покупателей?

Он бросил на прилавок монету и, оглядев кур, сказал:

- Я беру вот... эту. Сдачу оставь себе.

Выбрав курицу и немного отойдя, он легко разорвал её на три куска, два из которых отдал своим товарищам:

– Это тебе, Хайм. Тебе, Овид. Деньги поделим позже. Всё – хватит работать. Пошли отсюда.

Они направились к выходу с рынка, на ходу уплетая курятину. Увидев вдруг у своих ног пугливо озирающуюся худющую бродячую собаку, Варавва присел на корточки и протянул ей остатки своего куска:

– На. На, подойди, не бойся... Все голодные должны быть сыты.

Собака робко взяла еду и тотчас убежала. Варавва вытер руки об одежду.

Хайм не удержался от критического замечания:

– И когда ты перестанешь, Варавва... Собака – нечистое животное.

За Варавву ответил Овид:

– Он же всегда был таким... Скоро все собаки Назарета станут толстыми, как свиньи.

Варавва ухмыльнулся:

– Где ты видел свиней, Овид? Ты же никогда не был дальше одного дня пути от Назарета.

Овид немножко обиделся:

– Я слышал. Свиньи всегда толстые и жирные...

Хайм глубокомысленно заметил:

– Всякий зверь может быть тощим.

Овид доел курицу и тоже вытер руки об одежду.

И тут Хайм, дожёвывая курицу, предложил:

– Варавва... а давай... поделим деньги прямо здесь. Вон – в переулке.

Варавва ответил как-то неуверенно:

– Нехорошо это... Ну, ладно. Пошли.

Они зашли в ближайший переулок и остановились.

Варавва достал из-за пазухи очень солидно выглядящий кошелёк, раскрыл его и высыпал деньги себе на ладонь:

– У-у, только медные монеты... Жалко... А мужик выглядел таким богачом... Может, уже успел потратиться. Ну ладно.

Варавва, не считая, отсыпал часть монет в грязные ладони своих товарищей. Остальные деньги Варавва высыпал обратно в кошелёк и спрятал его за пазуху.

Затем Варавва достал второй кошелёк – очень плохонький тряпичный мешочек – и, заглянув внутрь него, даже присвистнул:

– А вот этот уже лучше, есть и серебряники! Делю не глядя.

Варавва снова отсыпал денег в ладони Хайма и Овида.

Затем, затаив ремешки кошелька, сунул его себе за пазуху и тем же движением достал оттуда третий кошелёк, украденный последним:

– А на этот у меня самая большая надежда. Смотрите – он и сам стоит дорого.

В этот момент из-за угла вдруг появился и свернул в переулок тот самый человек, у которого этот кошелёк был украден. Заметив стоящую троицу, он с несколько испуганным выражением лица приостановился и хотел, было, пойти другим путём. И вдруг он заметил в руках у Вараввы свой кошелёк. Его лицо побледнело. Он начал медленно отступать, губы его зашевелились – сначала безмолвно, потом шёпотом, а затем всё громче и громче он закричал:

– Люди... Стража!... Караул!! Вот он!!! Он украл мой кошелёк!!!!

Как будто они ждали этого крика за углом, в переулок тотчас вбежали двое молодых вооружённых стражников, за ними – другие люди. Троица бросилась наутёк, преследуемая людьми и их истошными криками:

– Держи!

– Лови их!

– Это Варавва, я узнал его!

– И Овид! Овид с ним!

– Догнать! Уйдут!

Толпа постепенно отставала, но не молодые стражники – они были всё ближе и ближе. На одном из перекрёстков, как по команде, трое преследуемых разбежались в разные стороны. Стражников это не смутило – они не потеряли ни секунды. Один из них продолжил погоню за Вараввой, другой побежал за Хаймом. И тут бегущего, что есть силы, Варавву бросило в жар – он понял, что дал маху и сейчас бежит по улочке, заканчивающейся тупиком! Он бежал между двух высоких заборов, и за первым же поворотом увидел, что ворота, в которые упирается улица – заперты.

Варавва кинулся к забору и попытался через него перелезть, но сразу у него не получилось, и он сорвался. В это время из-за поворота показался стражник! Не добежав до Вараввы, он остановился, чтобы перевести дух, и не спускал глаз с преследуемого. Он был высок, строен, силён и вполне уверен в себе. Оглядев Варавву, он улыбнулся недоброй улыбкой.

Резким движением Варавва выхватил свой кинжал. Увидев это, стражник, не спеша, вынул из ножен короткий меч. Они смотрели в глаза друг другу. Внезапно Варавва бросился прямо на противника. Используя взмах кинжала (от которого стражник легко отмахнулся мечом), как отвлекающий жест, Варавва с разбегу сильно ударил стражника ногой в грудь и обежал его. Тот нелепо взмахнул руками, отшатнулся, выронил меч и, запнувшись обо что-то ногами, упал на спину – железный шлем слетел с его головы, и он с силой ударился затылком об острый камень. С тихим стоном стражник замер.

Варавва метнулся к выходу из тупика. Но в этот момент из за поворота выбежала толпа преследователей. И тут же раздались их крики:

- Это Варавва!
- Варавва!
- Я узнал его!

Варавва снова кинулся к забору, на этот раз ему удалось забраться на него, и он спрыгнул на другую сторону в чей-то сад. Приземлившись на корточки, слышал по ту сторону забора возбуждённые голоса:

- А стражник-то мёртв...
- Дайте посмотреть.
- Нет, не дышит!
- Варавва убил стражника!
- Смерть Варавве!
- Смерть!
- Смерть Варавве!
- Бежим, его надо найти!
- Варавва рванулся прочь от забора.

Скудный холодный свет ущербной Луны едва позволял Варавве и его матери видеть лица друг друга и тропинку, на которой они стояли. Варавва говорил свои прощальные слова:

– ... Теперь ты понимаешь... я должен уйти из города. Уйти далеко, где меня никто не знает.

- Как ты будешь жить... Как же мы без тебя...
- Вас не тронут. Вы же не убивали.
- Да простит тебя Господь!
- Мама, я же рассказал, как всё было! Я же не хотел.
- Твой путь – дорога грешника, сынок...
- Никто не праведен, мама.
- Кто теперь даст мне работу...
- Ну... есть же добрые люди. На первое время тебе хватит денег, которые я тебе оставил.

А потом... Потом я буду вам помогать.

- Никто не возьмёт замуж твоих сестёр...
 - Не завтра им замуж, всё образуется, мама.
 - Прости меня, сынок.
 - Прости и ты меня, мама.... Я пойду... За ночь я должен уйти далеко...
 - Куда ты пойдёшь?
 - Сначала думал – в Тир или Сидон. Думал, наймусь в матросы. Но я так боюсь воды...
- Так и не научился плавать. Пойду в другую сторону – в Сирию. Будь, что будет.
- Бедный мальчик! Столько разбойников на дорогах!
 - Меня не легко обидеть. Ты знаешь.... Я пойду... За ночь я должен далеко уйти...
 - Прощай, Варавва... Храни тебя Бог!
 - Прощай, мама!

Варавва решительно повернулся и бесшумно исчез в темноте. Немного отойдя, он горько заплакал. Он шёл, утирая слёзы кулаками.

3. Тридцать лет

К полудню солнце и жаркий восточный ветер «шарав» совершенно раскалили пустыню. Очертания холмов, скал и оврагов подрагивали в знойном мареве – казалось, что даже они страдают от этого пекла. Ни звука, ни запаха...

Всё живое попряталось до вечера, но не люди – по каменистой дороге медленно двигался небольшой караван: десятка полтора верблюдов с поклажей, хозяин каравана – толстый купец верхом на верблюде, несколько вооружённых пеших погонщиков, пять охранников на лошадях. Лица людей были разморены жарой и усталостью от долгого перехода. Тишину нарушали только мерные позвякивания колокольчиков на верблюжьих шеях... Караван приблизился к подножию невысокого утёса.

Вдруг в тишине раздался резкий свист летящих стрел, пущенных откуда-то сверху. Убитые охранники повалились с лошадей. Одного охранника только ранило – стрела попала ему в плечо. Он с криками судорожно развернул своего коня и пришпорил его. Беспорядочно мотаясь в седле, он ускакал в обратном направлении и исчез за поворотом дороги. Этот манёвр пытался повторить и купец, но его верблюд был невосприимчив к его бестолковым понуканиям. Наброшенный издалека аркан стянул купца с верблюда, и он грузно упал на землю. Тут же попытался встать, но почему-то у него не вышло, и он так и остался сидеть на земле, широко раскинув ноги.

Всё это время гружёные верблюды продолжали невозмутимо шагать по дороге (они остановились, только пройдя около сотни локтей) – в отличие от своих погонщиков, которые остановились сразу же, а некоторые из них даже присели на корточки. На их лицах не было страха.

К купцу молча подошёл, сматывая свой аркан, рослый разбойник Ефрем. Сняв петлю аркана с головы купца, он смачно хлопнул ею купца по спине – со словами:

– Хор-роший купец!

Вместе со своим атаманом – Вараввой – подходили и подбегали другие разбойники. Они весело перекликались:

– Сегодня удача не отвернулась!

– Хороший набег!

– Мы даже не вынули мечей из ножен!

– Варавва любит, когда так спокойно и тихо!

– Лучшие деньги – лёгкие деньги!

– Ха- ха!

– Жалко, караван маловат!

– А Вооз-то сегодня промахнулся!

– И лучший лучник может ошибиться!

– Посмотрим, что в мешках!

Варавва сильно изменился. Теперь это был крепкий, уверенный в себе чернобородый мужчина с шапкой курчавых волос и седыми висками. Он резко оборвал разговоры:

– Сейчас нет времени осматривать товары! Следом идёт большой караван, охраняемый сотней всадников. А Вооз промахнулся! И раненый охранник может через час доскакать до них. Вооз не получит сегодня доли! Для чего я собирал самых лучших лучников? Вооз, мой гнев на тебе! Те же лучники, кто не промахнулся, получают, как обычно, по три доли. Три доли получит и Ефрем, зааркавивший купца.

Один из разбойников заискивающим голосом поинтересовался:

– Опять отпустишь погонщиков, Варавва? Их можно продать – хорошие деньги!

Ответ Вараввы был резок:

– Аарон, ты жаден и глуп! От Иерусалима до Дамаска все караванщики знают, что Варавва не трогает погонщиков! И посмотри – эти даже не обнажили мечи! Что может быть лучше? А ведь они могли пролить твою гнилую кровь, Аарон!

Затем Варавва обратился к купцу:

– Купец, я не знаю тебя – как твоё имя?

– Ахтур из Дамаска...

– Хорошо ли ты известен в Дамаске?

– Меня знают на рынках.

Варавва повернулся в сторону погонщиков:

– Погонщики, к вам моё слово! Оставляю вам ваше оружие, деньги и воду! Возвращайтесь в Дамаск! Скажете семье купца, что его цена – ... пятьсот динариев! За выкупом к ним придёт мой человек. И мы сами доставим купца в Дамаск! По обычаю, в Дамаске вы получите хорошую награду от его семьи! Я всё сказал! Уходите! И поживее, пока я не передумал!

Погонщики, негромко переговариваясь, пошли в сторону Дамаска.

А Варавва уже отдавал команды своим людям:

– Снять оружие с охранников! Трупы – в овраг! Купца связать – и поперёк его верблюда! Да не забудьте завязать ему глаза!

Команды атамана были исполнены слаженно и быстро. Наконец, Варавва отдал последний приказ:

– Всё! Уходим к нашим пещерам! Гоните лошадей и верблюдов! Да поживее!

Караван двинулся в сторону от дороги. Последняя лошадь тащила за собой связку кустов тамариска, срубленных в глубине оврага. Их ветви заметали следы, а ветер уничтожал их окончательно.

4. Начало

Это был богатый дом. Впрочем, современный человек не заметил бы этого – в то время в обитатели Галилеи жили непритязательно, и относительное богатство зачастую означало всего лишь меньшее количество заплат на одежде, чуть менее ветхую домашнюю утварь и привычно сытый желудок.

Ночь была тиха и спокойна. Ни люди, ни домашние животные, ни птицы не издавали ни звука. И дом безмятежно спал. В комнате было очень темно. Лишь иногда мягкие сполохи света от затухающих углей очага позволяли разглядеть сам очаг, но не более того. Слегка пахло гарью, теплом и людьми.

На топчане лежали мужчина и женщина. Мужчина мерно похрапывал. Вдруг раздался слабый стук: три удара – два удара, три удара – два удара. Женщина спала более чутко и проснулась первой. Она села и толкнула в бок мужчину. Тот привычным движением выхватил из-под топчана короткий меч и вскочил на ноги.

Женщина тихо сказала:

– Асир, кто-то стучал в ворота...

– Нет хуже ночных гостей...

Характерный стук повторился.

Асир немного успокоился:

– Это стук Вараввы... Женщина, пойдی спроси, если ответит «Варавва» – откроешь. Иначе не открывай. А я посмотрю с крыши.

По скрипучей приставной лестнице мужчина поднялся куда-то наверх, а женщина, накинув платье, вышла из комнаты... Через минуту комнату вошёл Варавва:

– Мир дому твоему, Асир! Это я, Варавва. Спускайся.

Асир уже спускался вниз со словами:

– Давно ты не появлялся у меня.

– У тебя новая жена?

– Да. Через четыре месяца родит от меня. Покойная Рахиль была неплодна.... Но как ты разглядел...

– Поживёшь моей жизнью лет десять – научишься видеть в темноте.

– Фамарь, зажги светильник!

В комнату вошла жена Асира, она зажгла лучину в очаге, затем – от этой лучины – масляный светильник, стоящий на низком столе.

Стало видно, что Асир – толстый мужчина, выглядящий несколько старше Вараввы, а Фамарь – совсем ещё девочка двенадцати-тринадцати лет. Фамарь разложила подушки вокруг стола. Мужчины расселись. Асир первым прервал молчание:

– С чем пожаловал ко мне в Капернаум?

– Сказать тебе, что я не доволен тобой.

– Разве ты мало получаешь через меня?

– В последнее время – всё меньше и меньше. Но главное в другом – стали поговаривать, что ты торгуешь захваченным товаром – моим товаром. Ты стал ленив.

– Чего только не говорят люди...

– О тебе люди говорят правду. И чем больше таких разговоров, тем больше станут тут меня выслеживать, и тем короче будет моя жизнь...

– Долгих лет тебе, Варавва!

– Ты стал ленив. Всё больше товара ты продаёшь в самом Капернауме, всё меньше товаров шлёшь караванами в Тир, Кесарию, Назарет, Самарию. И люди за тобой стали замечать.

– Но на караваны могут напасть в дороге.

– Лицемер! Ты знаешь, что караванам с МОИМ товаром ничто не угрожает. Так?

Вместо ответа Асир шумно и прерывисто вздохнул. Затем упавшим голосом он с трудом выдал из себя:

– ... Простишь ли ты меня, Варавва! Я совсем потерял голову. Торговля стала мне ненавистна. И даже деньги. Я... Я перестал ходить в синагогу.

– Ты, самый набожный из моих людей?!

– Да, Варавва – ибо там священники и книжники поносят Его. Слышал ли ты о новом пророке в Галилее?

– В Галилее что ни год – объявляется дюжина пророков.

– Да, несть числа лже-пророкам. Но Иисус – пророк истинный! Бог – свидетель моим словам!

– Я плохо знаю писания, но даже мне известно, что должны мы ждать пришествия пророка Илии.

– Иисус сказал, что Илия приходил, но не разглядели его люди. И взял Илия имя Иоанна, и под именем сим крестил людей в Иордане, и сам Иисус крестился от него.

– Так твоего пророка зовут Иисус?

– Да, имя ему – Иисус.

– И что он – местный парень?

– Он пришёл к нам из Назарета, там же живёт семейство его.

– Знавал я одного Иисуса в Назарете... Сколько лет ему?

– Не знаю... Наверное, чуть-чуть помоложе тебя.

– Знавал я одного Иисуса в Назарете... А как он выглядит?

– Он... Он светел! Когда он приходит, кажется, воздух становится светлее и чище! Когда он говорит, кажется, что всю жизнь хотелось услышать его голос! Он говорит... Он говорит (Асир встал, лицо его воодушевилось): «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное! Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю! Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут! Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят! Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас! Ударившему тебя по щеке подставь и другую! И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.»

Асир замолк и огляделся так, как будто увидел эту комнату впервые. Он растерянно сел и опустил голову.

Варавва положил руку на плечо Асиру и жёстко сказал:

– Асир, эти слова прекрасны, но они не о тебе. Твои руки в крови. Вспомни, скольких ты убил.

Асир ещё ниже опустил голову отвёл взгляд в сторону.

– Ныне я возлюбил Господа и пророка его. – тихо, но твёрдо сказал он – И прощён буду! И хочу креститься в Иордане от Иоанна, исповедовав грехи свои.

– Слышал я, что недавно взят он под стражу и сидит в темнице у Ирода... Так за что Иисуса поносят в синагоге твоей?

– Не понимаю я. Иисус ведь говорит: «Не нарушить закон или пророков пришел я, но исполнить». Правда, учит он не как фарисеи и книжники, а как власть имеющий. Власть от Бога. Этой властью исцелил он уже многих больных и расслабленных по всей Галилее, и даже бесноватых. У соседа моего, сотника, он излечил слугу, даже не войдя в дом его, просто сказав слово на улице.

– Знал бы сотник, кто у него соседом... Так Иисус жил в Назарете, и моих лет?

– Да.

– Я ведь тоже из Назарета. Знал я в детстве одного Иисуса – одноклассника моего. И был странный случай, который помню я до сих пор. Наложил он ладонь на рану мою. И тотчас перестала болеть, а к вечеру затянулась.

- Варавва! Точно – это он!
- И он, тот мальчишка, знал все книги на память. Он даже недолгое время вечерами учил меня Закону. Жалко, что лень моя была сильнее его усердия.
- Варавва! Нет сомнения! Иисус – друг детства твоего!
- Друзьями мы не были... Нет... Хочу завтра взглянуть на этого Иисуса.
- Варавва, опасно тебе показаться в городе днём!
- Вели Фамари, чтобы утром постригла меня, укоротила бороду и окрасила волосы хной.
- Спросят – скажешь, что я Осия, сын дяди твоего из Эммауса.
- Жизнью рискуешь, Варавва! Да и дом сотника рядом.
- Тридцать лет рискую. Да сбудется всё по воле Божьей!
- Завтра будет он в синагоге нашей.
- Там и увижу его.

5. В синагоге

Большой зал синагоги, освещённый настенными факелами, был переполнен людьми. На невысоком возвышении стоял и проповедовал Иисус. Слева от него группой расположились священники и книжники, с другой стороны – его ученики: Пётр, Андрей, Иаков, Матфей и Иоанн. Асир, слушавший, как зачарованный, и рыжебородый Варавва стояли недалеко от Христа и книжников.

Страстный голос Иисуса гремел под сводами синагоги:

– Горе народу Израилеву! В синагогах сели книжники и фарисеи! Всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, но не делают. Они связывают бремена тяжелые и возлагают их на плечи людям, а сами не хотят двинуть и перстом! Любят приветствия в собраниях, и чтобы люди звали их «учитель». Но один у вас Учитель – Господь Бог, вы все же – братья! Большой из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное людям, ибо сами в него не входите и хотящих войти не пускаете! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов, а потом и лицемерно долго молитесь! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность ваших чаш и блюд, а внутри они полны хищения и неправды! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты! Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.

Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником!

Время от времени проповедь прерывалась протестующими криками священников и книжников, бросавшими на Иисуса яростные взгляды:

- Он богохульствует!
- Он же ест и пьёт с мытарями и грешниками!
- Не слушайте его, люди, ибо он безумен!
- Из Назарета его прогнали, так пришёл смущать народ в Капернауме!
- Из Назарета может ли быть что доброе!
- Не пророк – а плотник, сын плотника! Известен!
- Да он же бесноватый!
- Красноречие его – от бесовского князя!
- Да он сам Вельзевул!

Особенно неистовствовал один молодой книжник – Иссахар. Он был совершенно не в силах сдерживать себя, его глаза сверкали, в бессильной злобе он потрясал клаками и яростно выкрикивал угрозы:

- Горе и позор Израилю, что породил тебя!
- За хулу твою повинен смерти!
- Да что же мы не гоним его из синагоги!
- Убить его как собаку!

Постепенно Варавва подобрался поближе к Иссахару, наконец встал за его спиной и через несколько минут его тонкий слух уловил в шумном зале, как Иссахар злобно и иступлённо прошептал:

– Не другой праведный человек, так я убью его... Жалко, нет с собой ножа... Убью его! Клянусь всеми пророками! Так будет угодно Господу!

Между тем, простым людям проповедь Христа нравилась всё больше и больше, Время от времени кто-нибудь из них раздражённо выкрикивал:

- Не мешайте ему!
- Пусть говорит!
- Где же и учить, как не в синагоге!
- Знаю отца его Иосифа – добрый человек!
- А ведь верно про фарисеев!
- Тише! Тише!

Иисус закончил. Немного помолчав, он тихо и грустно сказал:

- Вижу, семя Авраамово, что слово мое не вмещается в вас...

Затем он обратился к своим ученикам:

- Выйдем из синагоги сей.

И они прошли к дверям через расступающуюся толпу.

Асир и Варавва сидели за столом в доме Асира. Косой луч света падал в комнату из небольшого высоко расположенного оконца.

– Я узнал его сразу. Как только увидёл. – Уверенно сказал Варавва. – Это он – учитель Закона в детстве моём.

- Теперь он стал выше Закона. Уверовал ли ты в него, Варавва?

– Уверовал и в слова Иисуса, и в святость его. Он учитель, посланный народу Израилеву от Бога, ибо таких слов, какие он говорит людям, никто не может сказать, если не будет с ним Бог!

- Истинно говоришь, Варавва! Блажен будешь в Царстве Божьем!

– О блаженстве ли думать – страх терзает душу мою. Погубят его правители и фарисеи, ибо не имеют врага, страшнее, чем он. Понял ли ты это, Асир?

– Слышал я сегодня слова их. Но местных я знаю – они малодушны и не замыслили погубить Иисуса.

– Ты стал ленив, Асир. И уши твои запечатаны воском – в трёх локтях от тебя решено было предать Иисуса смерти!

- Пугаешь ли меня, Варавва!?

- Видел ты молодого книжника, потрясающего кулаками на Иисуса?

- Знаю его – это Иссахар.

- Сегодня он поклялся самолично убить Иисуса.

- Верить ли мне?!

– Иссахар поклялся всеми пророками. Ведь Иисус – сын человеческий, и по сему – смертен. Горе Израилю, если погибнет он и не завершит дело своё!

- Надобно помешать Иссахару!

– ... Сказал Иисус, что подобен он доброму пастырю, который жизнь положит за овец своих... – Варавва глубоко вздохнул и, глядя на падающий из окна луч света, поклялся, – Стану же этому пастырю верным псом, который жизнь положит за него! Клянусь всем горем и всем счастьем жизни моей!

- Иссахар может...

- Не беспокойся... Иссахар – наименьшее из всех зол.

6. Иссахар

Иисус стоял на небольшом ящике в пяти шагах от высокой стены синагоги. Слева и справа его обступали ученики, глаза которых были обращены в сторону Иисуса и большой толпы жителей Капернума, собравшихся на его проповедь. За спинами Иисуса и его учеников находился только один человек – Варавва. Он тоже во все глаза смотрел на Иисуса и с восторгом слушал его, не забывая, однако, время от времени посматривать по сторонам.

Голос Иисуса звучал страстно и убедительно:

– Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему «безумный», подлежит геенне огненной... Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу, и не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.... Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже любодействовал с нею в сердце своем.... Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну....

Вдруг в отдалении у стены появился человек – это был Иссахар. В его руке было что-то, завернутое в тряпку. Постояв немного и осмотревшись, он неторопливо, шаг за шагом начал приближаться к Иисусу. Стараясь остаться незамеченным, он жался к стене. Ничем не показав, что он заметил Иссахара, Варавва, как бы ненароком, сделал несколько медленных шагов в сторону Иисуса и оказался рядом с ним, так что его спина была обращена в сторону Иссахара. Оставаясь незамеченным людьми и учениками Иисуса, Иссахар достал из тряпки нож. Вид острого лезвия его крайне возбудил. Сделав два быстрых глубоких вдоха и беззвучно что-то прошептав, Иссахар с ножом наперевес бросился к Иисусу. В тот же миг Варавва резко обернулся навстречу Иссахару. Их взгляды схлестнулись. Лицо Вараввы было спокойно, на лице Иссахара появилось отчаяние, но он продолжил свою атаку – теперь уже на Варавву. Тот резко перехватил руку Иссахара, подставил ему ногу и ловко извернулся, так что нож вонзился в плечо самому нападавшему. На лице Иссахара выступили боль, недоумение и обида. Не издав ни звука, он сгорбился и стал падать. Варавва поддержал Иссахара, крепко обнял его и с едва слышными словами «Тихо... Тихо... Тихо» медленно повёл его вдоль стены прочь от Иисуса.

Он подвёл Иссахара к группе книжников, стоящих при входе в синагогу. Увидев, в каком состоянии находится Иссахар, несколько книжников подбежали к нему, подхватили его на руки и унесли в синагогу.

– Вижу, знаком вам человек сей. – обратился Варавва к оставшимся книжникам. – Он обознался и напал на меня на площади. С этим ножом. Рана его не опасна и излечится через месяц... Даже не знаю, подать ли мне на него...

И Варавва направился к своему месту позади Иисуса.

Один из книжников процедил сквозь зубы:

– От Иссахара можно ли было ждать чего полезного...

7. Погоня

Во дворе дома Асира, под навесом у стены стоял грубо сколоченный стол. На нём был установлен небольшой круглый точильный камень с ручкой. Вращая её, Варавва тщательно оттачивал лезвие своего кинжала. На столе лежал и короткий меч. Видно было, что эта работа Варавве в удовольствие – он даже напевал что-то неразборчиво-весёлое себе под нос.

Ворота с треском распахнулись, и с улицы вбежал Асир:

– Беда, Варавва! Беда!

– Что опять случилось в этом городе? – спросил Варавва, не прерывая своей работы

– Они написали прошение правителю Пилату! Винят Иисуса, что он смущает народ и подбивает его к мятежу против кесаря! Что толпы, следующие за Иисусом, вооружены! Они просят правителя схватить Иисуса и судить его как мятежника!

Варавва остановил работу и в сердцах метнул кинжал в деревянный столб – одну из подпорок навеса – кинжал с глухим стуком глубоко вонзился в дерево.

Варавва задумался. Потом задал вопрос:

– Как и когда собираются они послать прошение в Иерусалим?

– Оно уже послано – час назад сотник назначил нарочными гонцами двух стражников, и они уже выехали из города верхом на мулах.

– Седлай своего коня, Асир!

Варавва быстро пошёл в дом, а Асир – в конюшню.

В одной из комнат дома Варавва приподнял незакреплённую половицу и достал из-под неё мешок с деньгами. Взяв с полки два маленьких кожаных мешочка (кошелька), он до краёв заполнил их монетами, после чего перевязал их ремешками и спрятал за пазуху. Положив мешок с деньгами обратно под пол, Варавва вышел во двор, где его уже ждал Асир с осёдланной лошадью, взятой под уздцы. Подпоясавшись поясом с кинжалом и мечом, Варавва легко вспрыгнул на коня и спросил Асира:

– Каковы эти стражники на вид?

– Один из них – Азария – очень рослый и с родимым пятном на щеке. Вооружены оба.

Асир пошёл открывать ворота на улицу.

– Асир, я не поеду через город! – остановил его Варавва. – Открой мне лучше калитку в огородах.

В другой стороне двора Асир открыл маленькую калитку. Перед тем, как уехать, Варавва сказал ему:

– Жаль, что нет для тебя второго коня... Ничего, сейчас же пойдёшь пешком на Иерусалим. Не далее Тивериады встречу тебя. Возможно, передам тебе их мулов, которых ты продашь подальше от Капернаума, чтобы не были опознаны.

С этими словами Варавва прищипорил коня и тот унёс его в сторону Тивериады.

По залитой солнцем равнине ехали двое стражников. Их мулы шли бодрой ровной рысью. Позади них слышался всё более громкий стук копыт.

– Слышишь, Хайм, кто-то очень торопится... – не оглядываясь, заметил Азария.

– По такой жаре загонит он лошадь свою.

– Может римский солдат с эстафетой?

Хайм обернулся:

– Нет... Не похоже... Иудей....

Варавва обогнал стражников и тут же развернул своего тяжело хрипящего коня поперёк дороги. Он поднял руку с плетью и крикнул стражникам:

– Стойте!

Стражники остановили своих мулов. Варавва бросил плетъ на землю, полез освободившейся рукой за пазуху, достал оттуда два кошелька и протянул их стражникам:

– Стойте! По триста статиров каждому за письмо ваше! По триста статиров – и вы возвращаетесь в Капернаум через месяц и говорите сотнику, что хотите! По триста статиров! Ну?!

– Как же мы оставим дома свои и семейств свои... – начал было бормотать Хайм.

Ещё громче и настойчивее выкрикнул Варавва:

– И в добавок по триста статиров каждому, после того, как вернётесь. Ну же!! Ну?!

Тут Азария понял, что к чему:

– Верно, ты один из учеников Иисуса, что поносит священников наших и хочет погубить народ Израиля! Не будет по-твоему!

– Не будет по-твоему! – подхватил Хайм.

Азария и Хайм обнажили мечи. Варавва бросил кошельки в сторону и тоже выхватил меч.

– Сами вы выбрали удел свой! – С этими словами Варавва бросил своего коня в сторону Хайма, и они сразились на мечах, оставаясь в сёдлах. Повинуясь всаднику, конь Вараввы, двигался так, что мул Хайма отгораживал Азарию от Вараввы, и тот ничем не мог помочь Хайму. Обмен ударами был недолог, и Хайм с распоротым животом вывалился из седла. Мул Хайма взбрыкнул и отбежал в сторону.

Варавва остался один на один с Азарией и сразу понял, что тот был сильным и умелым воином. Они сражались уже около минуты, когда, отбив удар Вараввы, Азария смог смертельно ранить коня Вараввы – он взвился на дыбы и упал набок, придавив Варавву. Варавва тут же попытался высвободиться из-под коня, но придавленная нога запуталась в стремях. Азария быстро спрыгнул со своего мула и с гаденькой улыбочкой приближался к Варавве. Тут Варавва взмахнул рукой – и в горло Азарии вонзился кинжал. Азария захрипел и пал на дорогу.

Варавва выбрался из под коня, подошёл и присел на корточки возле тела Азарии, вынул из его шеи свой кинжал, отёр его об одежду Азарии и сунул в ножны. После этого он снял с пояса Азарии холщёвую сумку, раскрыл её и достал оттуда скреплённый печатью свиток. Он встал, скомкал виток и бросил его обратно в сумку, закрыл и приторочил её к своему поясу. Потом он внимательно осмотрелся, поднял с дороги брошенные им кошельки и сунул их за пазуху. Затем подошёл к одному из мулов, мирно щипавших траву у дороги, взял его под уздцы, подвёл к телу Азарии и взвалил его на спину мулу. Тот нервно и опасливо покосился на поклажу. Варавва взял мула под уздцы и отвёз тело Азарии в недалёкую рощицу. То же самое он сделал и с телом Хайма. Возвратившись, он снял седло со своего коня, подобрал с дороги мечи стражников и одну их двух их уздечек, пошёл со всем этим в рощицу и возвратился уже с пустыми руками. Он подобрал с дороги свою уздечку и уздечку одного из стражников и в последний раз внимательно огляделся вокруг, сел на одного из мулов, и, держа второго мула за уздечку, направился в сторону Капернаума.

Скоро Варавва повстречал Асира, быстрым шагом идущего ему навстречу.

– Всё ли в порядке? Ты не ранен, Варавва? – тревожно спросил Асир.

– Я цел. Но конь твой пал.

– А стражники?

– Их нет. Я всё прибрал. Только конь остался на дороге.

Варавва слез с мула и приказал:

– Вот, садись на любого и продай обоих в Тивериаде, там же купи нового коня, а я пешком вернусь в дом твой. Всё ли ты понял, Асир?

– Да, Варавва.

– Тогда расходимся.

Варавва шёл по каменистой дороге. Проходя мимо небольшого пруда, он свернул к нему. На берегу он снял с пояса сумку с посланием к Пилату, развязал её, положил внутрь большой камень, завязал её крепко-накрепко и бросил в воду. Досмотрев до конца, как стихли волны на поверхности воды, Варавва отряхнул друг о друга руки и энергичным шагом пошёл к дороге.

8. Умножение хлебов

Это была холмистая местность с разбросанными кое-где большими валунами и скалистыми обрывами. По петляющей меж холмов дороге, оживлённо беседуя с учениками, шёл Иисус. Впереди на удалении 300—400 шагов шагал одинокий путник. Это был Варавва. Иногда, прежде, чем зайти за очередной изгиб дороги, он оборачивался и проверял, где находятся следующие за ним. Варавва внимательно осматривал окрестности впереди и по сторонам дороги. Иногда он останавливался и во что-то внимательно вглядывался. Потом шёл дальше.

На склоне одного из придорожных холмов, шагах в пятидесяти от дороги, замаскированный большим валуном и кустами, расположился оборванный человек с большим боевым луком. Человек сидел и внимательно смотрел на дорогу в направлении, откуда должен был появиться Иисус с учениками. Самого его с дороги почти не было видно.

Однако, подойдя к этому месту, Варавва заметил конец лука, прислоненного к валуну. Не меняя шага, Варавва спокойно прошёл это место. Затаившегося человека он ничем не заинтересовал. Но, пройдя шагов двести, Варавва свернул с дороги и бесшумно и стремительно побежал к тому месту, где он заметил лук. Немного не добежав, он перешёл на шаг и стал особенно внимателен и осторожен. Наконец, Варавва заметил притаившегося человека и остановился, наблюдая за ним.

Когда человек заметил приближающегося Иисуса, он быстро встал, достал стрелу из колчана, зарядил ею свой лук и изготовился к стрельбе, ожидая, когда Иисус подойдёт поближе. Варавва достал кинжал и медленно подкрался к человеку за его спиной. Варавва незамеченным подошёл к нему вплотную, крепко охватил его рукой и приставил лезвие кинжала к его горлу, грозно прошептав при этом:

– Ни звука! И не шевелись!

Варавва и человек, без единого звука, застыв, как изваяния, наблюдали, как не подозревающие о происходящем Иисус и его ученики проходят мимо них. До них доносились плохо различимые слова и смех.

Наконец Варавва отпустил человека и отошёл от него на пару шагов. Человек обернулся. В его глазах застыли слёзы. Рука человека разжала лук, и он упал на землю. Следом на землю безвольно опустился и сам человек. Он плакал, тихо всхлипывая и не утирая слёз

Через некоторое время он заговорил:

– Зачем... зачем ты не дал мне его убить!

– Почему ты ищешь убить Иисуса?

– В нём причина всех бед моих!

– Я вижу, ты не фарисей, не книжник, не богач, не власть имеющий. Это они мыслят, что Иисус враг им. И даже они ошибаются.

– Я простой крестьянин. Но Иисус погубил всю жизнь мою.

– Не могу поверить. Иисус не может сделать зла.

– Слышал ли ты о случае, когда он, являя чудеса свои, накормил тысячи человек пятью хлебами?

– Люди говорят, что это было.

– В день тот было и другое... В тот чёрный день проповедовал он недалеко от дома и поля моего... Были у меня и дом, и поле, и виноградник. Были, ибо сегодня их нет... Многие тысячи людей пришли к Иисусу... И вытоптали они поле моё... И нашлись среди них, кто разорил виноградник мой... И нашлись другие среди них, кто переловил всю птицу у дома моего и увёл ослов моих. И я был побит жестоко. И разорён. И не смог отдать долгов моих... И принужден был я бежать от дома моего. И рассеялось семейство моё... И решил я тогда отомстить Иисусу, ибо он – виновник горя моего. Так замыслил я убийство.

Варавва сел рядом с человеком и спросил:

– Как зовут тебя, добрый человек?

– Илия.

– Не гневайся на меня, Илия. Ибо случилось мне сейчас спасти душу твою, убересть её от греха, которому нет равного! Не повинен Иисус в горе твоём! Ибо возлюбил он Господа и людей – более, чем самого себя! И явился он нам, чтобы спасти народ Израиля. И нет любимее для него людей бедных и простых душой. Придёт время, и ты уверуешь в Иисуса и в правду его! А виной разоренью твоему не он, а люди, глухие к слову его. В стаде большом найдутся овцы паршивые. Что же говорить о толпе, о многих тысячах людей.... Но во имя Иисуса – помогу тебе, Илия. В седьмой день от сегодняшнего пойдёшь в Капернаум, найдёшь дом купца Асира и войдёшь к нему, и скажи ему только, что ты Илия-лучник, и даст тебе триста динариев, чтобы начал ты жизнь новую. Довольно будет тебе?

Илия встал на колени перед Вараввой и медленно поклонился ему, коснувшись земли лбом и ладонями:

– Да благословит тебя Господь! И семейство твоё! И детей твоих! И всё, что имеешь ты и будешь иметь! Довольно ли будет мне?! Да буду я жить... лучше прежнего! Одно лишь смущает меня – как же мне отблагодарить тебя за такое!

– Не думай об этом. Не ищущи благодарности на земле Израиля. Да и простит ли она меня... Но я должен продолжить путь мой.

Они встали.

– А хорошо ли ты стреляешь, Илия? – спросил Варавва.

– До дня того не держал в руках оружия... Но купив лук на последний статир, многие дни стрелял я и стрелял, дабы не промахнуться в день мести моей. И вот, смотри – видишь деревце за дорогою?

Илия поднял лук и стрелу и, тщательно прицелившись, выстрелил – стрела со свистом и глухим ударом попала в тоненький ствол дикой маслины и расщепила его надвое.

9. Ослица

Солнечным утром по узкой наезженной дороге, петляющей меж холмов шёл Иисус в окружении учеников, которые шагали молча, с серьёзными лицами и не беспокоили Учителя вопросами и разговорами. Чуть позади за ними следовали пятнадцать-двадцать человек, в том числе и несколько женщин.

Иисус шёл, не размахивая руками в такт своим шагам. Они были то сложены за спиной, то одна рука держала или поглаживала другую, то его пальцы были нервно сцеплены на груди. На его лице одно выражение часто сменялось другим: тяжкие раздумья, светлая радость, беспроектная грусть, глубокая скорбь. Иногда он на ходу надолго закрывал глаза. И тогда губы его что-то беззвучно шептали. Время от времени раздавались тихие голоса сопровождавших его людей:

- Недалеко уже до Иерусалима.
- Чем-то он нас встретит.
- Нам что... А вот как они встретят Учителя...
- Не замыслили бы худого.
- Что может быть худого во Храме Божьем.
- Иаков, у тебя не осталось попить?
- Немного есть, но сбережём для Иисуса, хорошо?
- Конечно.
- Что-то я уже устал
- Хорошо, ещё не так жарко.
- А неплохо бы отдохнуть.
- Женщины, наверное, устали.
- Да и Учитель, наверное, устал.
- По нему не видно.
- Ему сейчас не до усталости...

Вдруг раздался голос Иисуса:

– Остановимся отдохнуть в этой придорожной роще. Смотрите, какой прекрасный вид на Елеонскую гору... Земля уже нагрелась, – продолжил он, – можете немного подремать.

- А ты, Учитель?
- Мысли не дают мне покоя! Я похожу в роще, один...

В это время на ту же дорогу, неподалёку от места, где остановились Иисус и его ученики, из придорожного селения быстрым шагом вышел Варавва. Был он бос, одет в самый простой хитон из небелёной ткани и перепоясанный поясом, на котором висел его любимый кинжал. Его голову покрывала повязка, стянутая ремешком.

– Где же Иисус... Как я мог потерять их... Горе мне!... – шептал себе Варавва, – Вдруг что-то случилось!... Вдруг он уже в Иерусалиме? Нет, не может быть... Я бы нашёл. ...Значит, должен он идти этой дорогой из Иерихона... Господи, помоги мне!

Через несколько минут Варавва нагнал небольшой, неспешно и вразброд движущийся вдоль дороги табун лошадей и ослов. Табун погонял маленький тщедушный человек и двое его малолетних сыновей. На плече у него болтался холщовый мешок.

Поравнявшись, Варавва обратился к человеку:

- Добрый человек! Нет ли у тебя воды? Умираю от жажды!

Человек остановился со словами:

- Мир тебе, путник!

Глядя на него останавливаются и дети. А он полез в свой мешок и достал из него небольшой кувшин:

– Допивай всё, что там осталось. Нам уже недалеко до дома.

Варавва с наслаждением напился и протянул пустой кувшин человеку:

– Господь да возблагодарит тебя!

Человек сунул кувшин в мешок и снова зашагал по дороге, щёлкая кнутом и криками взбадривая табун:

– Хей! Хей! Шевелись!

Внезапно раздались нестройные истошные вопли, и из-за придорожных кустов на дорогу выскочили три разбойника. Размахивая короткими мечами, они побежали в сторону хозяина табуна. Варавва поднял вверх руку и зычно выкрикнул:

– Остановись, Саул! И пусть твои люди уберут мечи!

В это время дети подбежали к отцу и спрятались за его спиной.

Саул с другими разбойниками, не торопясь, вразвалочку подошёл к Варавве. Клинки своих мечей они положили себе на плечи. Саул остановился напротив Вараввы, а двое разбойников обошли его и стали у него за спиной.

– Ты ли это, Варавва!? – Саул ухмыльнулся. – Тебя трудно узнать. Так это твой табун?

– Нет, он принадлежит этому почтенному человеку. Но вы его не тронете, ибо это мой друг!

– Как ты изменился, Варавва! Говорят, ты стал неспособен пролить кровь! Тогда какая цена твоим словам?

Саул сделал едва заметный знак за спину Варавве. Один из стоящих там разбойников взмахнул мечом. В то же мгновение Варавва выхватил кинжал, и пригнувшись, одним мощным широким движением вспорол животы обоим стоявшим за его спиной разбойникам – они с глухими стонами повалились на землю. Варавва быстро обернулся к Саулу, который оторопело стоял всё в той же позе, но уже с выражением животного страха на лице.

– Положи меч на землю, Саул. – Очень спокойно сказал Варавва. – И тогда пощажу тебя.

Саул наклонился и медленно, дрожащими руками положил меч на дорогу.

– Ты всегда был трусом, Саул! – продолжил Варавва, – Иди прочь! И расскажи всем о бессильном Варавве!

Саул опасливо и неуверенно повернулся к Варавве спиной. Варавва сильно ударил его ногой в зад, и Саул, не оборачиваясь, убежал за кусты. Дети смотрели на Варавву с восхищением. А их отец упал перед ним на колени:

– Путник, ты спас наши жизни! Да вознаградит тебя Господь! А от меня... а от меня возьми сейчас.....

Он вскочил, бросился к табуну и быстро возвратился с ослицей на верёвке. За ослицей бежал её ослёнок.

– Вот, не откажись принять от меня лучшую ослицу мою! Она плодовита и приносит отличных, крепких ослят – посмотри! – человек показал рукой на ослёнка и продолжил, – и его тоже прими от меня вместе с матерью его!

Варавва смутился и ответил:

– Не нужна мне награда от тебя. Доброе дело само служит наградой сделавшему.

– Не обижай меня, путник! Прошу – прими! Ради детей моих и ради Господа!

Варавва, развёл руками:

– Ну что с тобой делать... Принимаю твою ослицу.... Но давай сначала спрячем тела за кустами. Бери того, что поменьше.

Они взяли тела разбойников за ноги и утащили их в сторону с дороги. Когда они вернулись на дорогу, Варавва посоветовал:

– А мечи их не бери с собой, если не хочешь себе худого. Дети – бросьте их за кусты!

Дети тут же потащили с дороги тяжёлые для них мечи, волоча их клинками по земле.
А Варавва спросил человека:

– А нет ли поблизости родника, чтобы набрать мне воды на дорогу?

– Тебе надо немножко вернуться! Видишь то дерево на холме у дороги недалеко от селения? Родник прямо под ним!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.